

Орфография

Автор:

[Сергей Арно](#)

Орфография

Сергей Арно

Повесть в 1991 году вышла в финал премии Сергея Довлатова. Она населена странными людьми и полна абсурда времен развитого социализма. Где вышедший на пенсию работник КГБ поставил целью жизни выловить последнюю рыбку, живущую в Обводном канале, потому что там не должно быть жизни, а алкаш Коля, валяющийся на лестнице, – бывший филолог, говорящий на пяти языках, а санитар морга Борис, решивший получить образование массажиста, тренируется на телах покойников... странные люди... странного города.

1

Это было не привидение, это был человек, просто он приучил себя долгие часы сидеть без движения. и потом, когда ловля заканчивалась и он поднимался на затекших ногах, тело не сразу начинало жить, и некоторое время он стоял на одном месте, слушая звон в ушах, вглядываясь в муть перед глазами, пока головокружение не отходило и не настраивалось кровообращение.

Тогда только Георгий Иванович, смотав снасти и сунув под мышку складной стульчик, шел домой. Никто не верил, что в обводном канале может быть жизнь. Верил только Георгий Иванович. Уже многие годы, лет десять, он удил в канале рыбу, но не поймал пока ни одной...А там и была-то всего одна.

Каким-то чудным образом, против всех законов природы, ей удалось выжить во вредной воде производственного канала, и она сидела в гранитной норке, дразня Георгия Ивановича своей бесполезной жизнью в невозможных условиях.

Каждый день, досидев до вечера, но не допоздна, чтобы не страшно было за свою жизнь и имущество, Георгий Иванович шел домой.

Уже собравшись и смотав снасти, он опускался на колени и несколько минут внимательно вглядывался в муть воды, поворачивая головой то так, то этак.

– Я все равно поймаю тебя, – говорил он негромко и грозил пальцем.

И чудилось ему, что он видит два устремленных на себя глаза каким-то противоестественным способом выжившей в канале рыбки.

– Я поймаю тебя...

И сегодня, предупредив ее о неизбежной расправе, он поднялся по гранитным ступеням на набережную и побрел к дому. Он сильно продрог, от осеннего ветра не спасал даже длинный, до земли, плащ с капюшоном, в котором сейчас, идя по освещенной фонарями набережной, Георгий Иванович напоминал привидение.

Жил он недалеко, напротив церкви.

На лестнице, преграждая дорогу, раскидав по ступенькам конечности, храпел сосед Коля: сынок опять не пустил папашу домой. С приближением рыболова Коля прекратил храпеть и поднял голову.

– Аа-а... Георгий Иванович-ч... Хау ду ю ду!

– Иди ты... Пьянь проклятая... управы на вас нет. Георгий Иванович переступил через колю, открыл замок и вошел в квартиру.

Уверенно прошагав темным, извилистым коридором со множеством дверей, Георгий Иванович остановился возле своей, на ощупь отыскал выключатель, зажег свет, снял офицерскую плащ-палатку и повесил ее на вешалку над хаотично наваленной грудой ботинок.

Ботинки были все новые, ненадеванные. Георгий Иванович презрительно пнул один, из груды выставившийся, остальные же обвел ненавидящим взглядом, и

только.

Чтобы не наследить в комнате, он снял свои старенькие, стоптанные «скороходы», аккуратноенько рукой стер с них уличную пыль, вошел в комнату в носках и поставил ботинки на специальный коврик.

На крашеной стене большим (в два раза больше чем у Георгия Ивановича) лицом застыл Иосиф Виссарионович. И хотя официальным квартиросъемщиком числился Георгий Иванович, всегда казалось, будто он гость у Иосифа Виссарионовича, так статен и величав был генералиссимус. И Георгий Иванович был рад часть внутреннего недовольства и угнетенности жизнью переложить на него.

В комнате атеиста Георгия Ивановича икон не водилось, они бы наверное и не ужились со статным генералиссимусом, зато напротив окна, через дорогу, стояла церковь. Вечерами, особенно по субботам и воскресеньям, возле церкви разгорались драки. Кричали, матерились, и Георгий Иванович молил Бога, чтобы кирпичом не высадили стекло. такое бывало. Он уходил в дальний от окна угол комнаты и тихонько сидел там на стуле, пока стук и крики не затихали или не взвизгивал возле церкви шиной по асфальту милицейский «козелок», разгоняя из-под фонарей по темным углам драчливый народ. Но и тогда Георгий Иванович выходить не спешил. Бывали случаи, что кто-нибудь из обиженных горцев, которых здесь бродило особенно много, в гневе запуская вывороченным из мостовой каменюкой по дому или по церкви... Случалось, «скорая» увозила пораненных ножами и чем попало... Застав драчунов врасплох, милиционеры крутили им руки, били куда придется, швыряли в «козелок» и увозили. А в следующей выходной повторялось то же...

Церковь глядела на это пыльными, битыми окнами – безучастно. Креста на ней не было.

Иногда, в тихие вечера, Георгий Иванович подходил к окну и, взявшись одной рукой за раму, глядел на церковь. он стоял так до-о-лго... Но вдруг оборачивался назад, будто его кто окликнул, и уходил от окна.

– Нет... Нет Бога, нет... – бормотал он испуганно. – И не было.

Странной представлялась Георгию Ивановичу мысль о том, что когда-нибудь он, бывший работник райкома, атеист, с мольбой вознесет вверх руки. Странной и смешной. Не-ет! Не бывать этому!

Раздевшись, Георгий Иванович прошел в кухню поставить чайку.

За общим столом, стоявшим посреди кухни, сидел Борис и пил охлажденный чай.

- Как ловля? - спросил он, приветственно кивнув Георгию Ивановичу.

- Ловлю, - буркнул тот.

- Когда же вы, Георгий Иванович, согласитесь на оживляющий массаж? Я уже всем соседям переделал. Вы один остались...

- Да отстань ты со своим массажем!

Проголодавшийся Георгий Иванович отрезал кусок булки и, не дожидаясь пока закипит чайник, съел его всухомятку.

- Уверяю вас, массаж очень оживляет, - не отставал Борис. - Нам вчера на курсах новый прием преподали, «разминание» называется... очень эффективный прием. Сначала-то поглаживание делается, потом растирание, тоже очень эффективно, а уж потом разминание. Вы у меня заново родитесь... Ну что, пошли, пока у меня настроение имеется. Вы сразу оживете... - Борис поднялся из-за стола.

- Да не надо мне никакого массажа, - зло сказал Георгий Иванович, выключая закипевший чайник. - Лучше не приставай...

Он хотел еще что-то добавить, но в кухню вошел Вовка-американец, трижды второгодник, бандюга и шпана тринадцати лет от роду.

- Опять твой папаша лежит, дорогу преграждая, - не удержался Георгий Иванович. - Опять, что ли, милицию вызывать?

– Я тебе, старая сволочь, вызову! Стекол в суп накидаю, – походя обронил тот, взял из стола нож, сунул за пояс и вышел из кухни, пнув дверь ногой.

– Чего вы, Георгий Иванович, на рожон лезете? делать вам нечего, пили б чай спокойно, – ухмыльнулся Борис. – Вы чего, Вовку-американца не знаете?..

– Вот гаденыш! – выругался Георгий Иванович. – Его папашу тоже на принудительное лечение сдать нужно, мать-то скоро вылечится – опять бордель будет.

– Да вы не огорчайтесь, давайте я вам массаж оживляющий сделаю...

Георгий Иванович не ответил, а взял чайник, два бутерброда и пошел в гости к Иосифу Виссарионовичу.

«Управы на них нет, – думал он с остервенением. – Суккины дети...»

Аккуратно, чтобы не ошпариться, он вошел в комнату и ногой прикрыл дверь. Взгляд его упал на стоявшую в углу удочку. Злые его глаза подобрели.

– Я поймаю... Все равно поймаю тебя,– прошептал он и улыбнулся.

А рано поутру, уже Бог знает в который раз, Георгий Иванович отправится на обводный канал ловить рыбу. Просидит до обеда. Пообедав, досидит до ужина, но не поймает.

2

Борис тоже не стал задерживаться в кухне, а пошел к себе, надел наушники, включил магнитофон с записью «Пинк Флойд» и рухнул на диван под недоуменным взглядом нагой красотки, глядящей с календаря-плаката.

Еще совсем недавно Борис не ведал, какова будет его дальнейшая судьба. Он думал, что так и просидит в морге среди люда неживого весь остаток дней. А

так порой хотелось общения, человеческого тепла...

Борис работал «упаковщиком» – так он сам, не всерьез, именовал свою профессию. Заключалась она в наведении покойникам марафета.

За пятилетку выполнения производственного плана по упаковке покойники обрыдли Борису до такой степени, что временами он их ненавидел.

– Ну что развалился, сука!! орал он иногда и всаживал кулаком чьему-то родственнику под ребра. Но потом отходил и опять брался за выполнение плана. Морг их был в числе ведущих моргов города, в чем убеждал вымпел «За победу в соцсоревновании». Вымпел вымпелом, Борису хоть ударника коммунистического труда присваивай, а покойники ему обрыдли. Не мог он смотреть и на спящих, делалось ему нехорошо, как иногда в морге, и он выходил из себя. Часто страдала от этого соседка Мария Николаевна, которая, сидя за чайком в коммунальной кухоньке, сильно любила вздремнуть, разогрев нутро горяченьким. Засыпала она всегда на своем стуле с прямой спинкой, запрокинув назад голову и раскрыв рот, в котором, если заглянуть, были видны розовые, сработанные на нет десны. руки бабушки обвисали вдоль туловища. Чай простывал.

Сморщив нос, Борис подходил к ней, заглядывал в рот и, брезгливо пихнув в плечо пальцем, ставил диагноз:

– Сдохла.

– Сам ты сдох!..

Старушка размыкала выцветшие вежды и приступала к недоконченной трапезе, пока вновь не возвращалась туда, откуда извлекал ее Борис. и опять Борис пихал ее в плечо и говорил:

– Сдохла.

А она ему:

– Сам ты сдох!

Особенно тяжело Борису приходилось в метрополитене имени Ленина. Там все поголовно спали, и Борис не отдыхал совсем, чувствуя себя как на работе.

Однажды приключился конфуз, после которого он три недели проходил в гипсе.

Как-то Борис ехал в метрополитене имени Ленина по личным своим делам. Чтобы не видеть спящих и не раздражаться, он сидел, закрыв глаза, и когда, подъезжая к нужной станции, открыл их, то увидел на противоположном сидении мужика. Тот сидел, опустив голову и привалившись плечом к поручню. Один глаз его был закрыт, другой, безучастный ко всему, был направлен куда попало.

Борис встал, для верности повертел перед неживым глазом рукой и треснул мужика по загривку.

- Сдох...

Мужик открыл второй глаз, поднялся с пола и на две недели выписал Борису больничный лист. Оказалось, один глаз у него был вставной, так что все равно темный, и во время сна закрывать его не имело смысла.

Тут уж Борис задумался о смене места работы. И однажды, услышав по радио о курсах массажа, решил приобрести профессию нескучную, да и живые клиенты устраивали его больше – истосковался он по живым.

Образование у Бориса оказалось подходящим, и после сбора справок о здоровье он поступил на курсы.

Учили их там разному. Проходили они поглаживание, разминание, и выжимание тоже проходили, а также похлопывание и поколачивание... Для лучшего усвоения материала необходимы были тренировки. Борис осточертел соседям с приставаниями. Никто не соглашался. Однажды только он затащил к себе с лестницы до беспамятства пьяного колю и отмассировал его. Коля от массажа возбуждился, и его начало рвать куда придется. Пока Борис выволакивал его вон из комнаты, Коля растратил весь пищевой запас и, не приходя в себя, проспал остаток ночи в полуголом виде под вешалкой на новых ботинках Георгия Ивановича, куда пристроил его Борис.

Однажды, на своем похоронном производстве, от которого курсы массажа не отрывали, умывая одного из клиентов, он увидел его голую посинелую спину и по всем правилам отмассировал ее. С тех пор тренировки он стал проводить в морге. Привлекало Бориса то, что клиентов не нужно уговаривать, таскать к себе домой и убирать за ними рвоту.

Делал он им поглаживание, разминание и выжимание тоже делал, а также похлопывание и поколачивание, а в конце опять поглаживание... На покойника уходил у него час с небольшим, иногда, правда, побольше – зависело от настроения. Но бывали дни...

Что такое находило на Бориса? Определенно сказать нельзя. Правый глаз его начинал подмигивать в нервном тике, пальцы дрожать... В такие часы Борис не видел и не чувствовал ничего вокруг. Он самозабвенно ворочал бессловесных покойников, производя поглаживание, растирание... Отмассировав очередного покойника, брался за следующего, потом за следующего и за следующего... С засученными рукавами докторского халата, без конца подмигивая правым глазом, Борис мямил их спины, ноги, ягодицы... Смахивая со лба пот, не замечая времени и места: мямил, мямил, мямил... Пока руки не начинали зябнуть. только тогда он успокаивался и садился покурить.

Сейчас, балдея от «Пинк Флойд» под недоуменным взглядом нагой незнакомки, Борис думал о женщине, с которой познакомился вчера.

Она явилась за трупом папаши-алкоголика. Обычно при заколачивании крышки в тесном прощальном помещении не продохнуть от родни. А тут – одна. Она подошла к папаше, скорбно склонилась над ним, цепко схватила за нос пальцами и потянула с такой силой, что голова его оторвалась от подушечки, как будто он собрался вставать.

– Папаша это любил, – пояснила она тут же стоявшему с молотком Борису. – А еще любил, когда ему пинка под зад давали... Ему на каждой работе пинка под зад давали – пьяница... А вы не пьяница? – повернулась она к Борису.

– Я не пьяница, – успокоил он ее, поигрывая молотком. Разговорились.

Звали собеседницу, по прихоти тогда еще живого и здорового папаши, Алкоголина, но можно было просто Алка. Борису Алка понравилась, бледновата

правда, мини слишком задиристое да ноги тонкие и кривые... в общем, ничего, сексуальная, но главное, приятно было поговорить.

Заболтавшись, они совсем позабыли о третьем лице. Тот, пылясь, лежал ко всему безучастный, ожидая, когда Борис соизволит его заколотить. Но Борис, рассказывая Алкоголине очередной анекдот, не спешил. Анекдоты он мог рассказывать без передыху, чем сейчас и воспользовался. Алкоголина чувство юмора имела и хохотала до болей в животе. Когда только ко времени стали собираться скорбные люди за очередным покойником, Борис наспех заколотил Алкоголининого папашу и, призвав на подмогу чужих родственников, отнес его в машину. Борис записал номер ее телефона, на прощание она послала ему воздушный поцелуй, и Борис в прекрасном расположении духа, напевая и поигрывая молотком, вернулся в комнату прощаний.

Сегодня он позвонил Алкоголине, и они договорились встретиться. Место встречи, между кинотеатром и магазином, на стройке, назначила Алкоголина. И сейчас, слушая «Пинк Флойд», Борис думал о том, куда он ее пригласит. То ли для начала в кино, а потом к себе... или сразу к себе... Чего уж там.

3

В выдвижном ящике стола, на ложках и вилках лежала отрезанная рука. Рука была черного цвета, подернутая инеем, должно быть недавно из морозилки. Мария Николаевна вздрогнула от неожиданности. Она совсем позабыла, что сегодня пятница, но, разглядев руку хорошенько, оторвала кусок молодежной газеты «Смена» и, брезгливо сморщившись, отправила отсеченную конечность в мусорное ведро.

За девять месяцев, с тех пор как в кухонном столе стали появляться человеческие конечности, Мария Николаевна успела привыкнуть к их неприятному виду и даже начинала тосковать, если в их поставке случались перебои. Но перебои случались редко. В основном конечности поступали в стол Марии Николаевны регулярно, каждую пятницу.

К тому времени, пока Мария Николаевна перемыла все внутреннее содержание ящика, в котором обнаружила конечность, поспел чайник. Мария Николаевна

обожала чаек и пила его по четыре-пять полулитровых кружек. Между кружечками являлась потребность в сне, и она засыпала прямо на стуле, откинув назад голову, дыша неприметно и беззвучно.

Вот и сейчас, хлебнув чайку и собираясь вздремнуть, она откинула голову... Но дверь в кухню открылась, и вошел Вовка-американец

– Дрыхнешь, старая карга! Опять на папашу заяву участковому накатала. Я тебя, стерва... – пригрозил Вовка-американец сквозь зубы, продемонстрировав давно не мытый кулак.

Он подошел к столу, вынул из-за пояса нож и положил в ящик.

– Я и тебя посажу, если со старыми людьми будешь так разговаривать. Бескультурный ты человек, – прошамкала старушка, помяв в пальцах свою большую бородавку, произрастающую под носом: она всегда так делала, когда огорчалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.com/arno_serгей/orfografiya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)